

**КАТЕГОРИЯ «БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО» КАК ЭЛЕМЕНТ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ
К.И. ЧУКОВСКОГО – КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДА**

К.И. Чуковский – великий советский сказочник – обладал многогранным талантом: он был не только детским писателем, но и, как известно, талантливым публицистом, литературоведом и переводчиком. Среди обширного литературного и эпистолярного наследия Чуковского критические работы 1910-20-х годов выделяются глубоким психологизмом, проникновением в сокровенные пространства смысла рассматриваемых им авторов. Успех Чуковского-критика, по мнению исследовательницы И.В. Лукьяновой, определялся его методом, основанным на реконструкции авторской психологии.

В отечественном литературоведении Корней Чуковский (К. И.) бесспорно первым освоил и последовательно применял в анализе литературного творчества писателей понятие «бессознательного». И.В. Лукьянова, отмечая его первенство в этом вопросе [Лукьянова 2006: 161], считает, что «подсознательное», «бессознательное» и «прочий филологический фрейдизм появились в текстах Чуковского уже после революции», «однако и за десять лет до нее он руководствовался» принципом выявления в творчестве писателя или поэта бессознательных душевных порывов. «К выводам об интуитивном и подсознательном Чуковский подводит строгий формальный анализ. Правда, всякий раз разный: каждое произведение диктует ему собственный подход» [Лукьянова 2006: 162]. Оставим на совести И. Лукьяновой наивно-обывательское понимание концепции З. Фрейда – в основе своей ее интуитивное открытие верно! С особенностью «метода» связывает И. Лукьянова литературные пристрастия сказочника, давшие начало новым жанрам, новым открытиям – и в целом литературоведческому успеху Чуковского.

Был ли Чуковский фрейдистом? В Дневнике К.И. вроде бы невзначай как-то замечает: «Читаю Фрейда – без увлечения» [Чуковский т. 12: 145]. Однако у нас нет никаких оснований всецело доверять (особенно в этом вопросе) Чуковскому, который в это же самое время (23 июня 1924 года) пишет сыну: «Я лежу и читаю Фрейда. Читал ли ты этого господина? Забавно. Везу к Лиде – пусть тоже прочтет». К.И. настоятельно советует своим детям познакомиться с работами венского доктора, а ведь, по их собственным признаниям, К. И. мог рекомендовать «к употреблению» только безусловные с его точки зрения ценности, какими являлись английский язык, труд и хорошая литература. Дневник К.И. 20-х годов содержит

множество аналитических по своему характеру виньеток, таков, например, комментарий к описке дочери Лиды: «Лида так переутомлена, что на днях отправила своей гамбургской подруге, Лунц, письмо – не на Гамбург, а на Берлин. Причем ее бессознательное сопротивлялось этой ошибке очень оригинально: вместо Berlin она написала Berbin, удерживая на четвертом месте то же b, которое имеется в Hamburg`e» [Чуковский т. 12: 218]. Заметим, что и много позже, в самое, казалось бы, неподходящее время, в середине 50-х годов, Чуковский искренне приветствует использование психоанализа в обиходе литературной критики. В письме своей знакомой он без обиняков заявляет: «о Хескере Пирсоне – какой чудесно вооруженный талант. Юмор, сарказм, душевная теплота, трюизмы, платитюды, психоанализ – все взято им на вооружение, и как я завидую ему, глотая главу за главой: ведь и я мог бы так бы, если бы... Его характеристики – объедение! Так исхлестать Джона Форстера и так отчеканить Уилки Коллинза! И Макрэди, и бедного Эксворта» [Чуковский т. 15: 426].

Похоже, К.И. специально выискивал в зарубежной литературе психоаналитические работы, косвенные свидетельства этого весьма обширны. Так, в письме к мифической Соне Гордон Чуковский ненавязчиво пытается прояснить «её» отношение к психоанализу: «Читали Вы этого Хочнера? Какие бы он ни сочинял теории о «fears of castration», «circumcision», «sexual impotence» Хемингвея, все же Хемингвей гигант, великий мастер <...> и ему нужно воздвигать монументы, чему, впрочем, книга Hotchhner`а нисколько не помешает». Здесь же, тестируя загадочную барышню, он как бы невзначай иронизирует: «Заметили ли Вы в том же номере удивительное письмо одной «old-fashioned spinster» Westmorland`а об «anal eroticism» и прочих сексуальных приятностях, о которых бедная не имеет никакого понятия. Письмо, конечно, подделка <...>, но подделка прелестная» [Чуковский т. 15: 702]. Здесь же скажем, что основные работы Фрейда активно издавались не только до революций 1917 года, но и много позже, в 20-е годы; вплоть до середины 30-х труды психоаналитиков активно публиковались советской печатью, и Чуковскому были доступны классические работы в этой области. Например, в журнале «Под знаменем марксизма» Чуковский мог прочесть статьи К. Абрахама, Э. Джонса, В. Райха, М. Кляйн.

В России конца XIX – начала XX веков сложилась весьма благоприятная почва для психоаналитической философии, недаром русский был первым иностранным языком, на который переводились работы Фрейда. Идеи психоанализа буквально витали в российском воздухе до Фрейда. Несколько путей вели будущего классика к психоанализу, и многие факты указывают на то, что он следовал сразу всеми, но еще более вероятно, что психоанализ только «собрал»

жизненные наблюдения Чуковского в систему, придал им форму, направил работу мысли в определенном направлении.

Известно, что К.И. часто и подолгу лечился у психиатров и неврологов. Нет сомнений, что К.И. с его тягой ко всему интеллектуальному не мог пройти мимо нового и очень модного «метода доктора Фрейда». Вспомним, подобным путем к психоаналитическому самолечению пришел Михаил Зощенко, который пользовал себя самоанализом много лет подряд и вызвал этим сочувственный отклик К.И. Невротическая природа его состояния была очевидна даже для врачей «общей практики», которые прямоком направляли К.И. на курс лечения к психоневрологу. Один из таких курсов он проходил летом 1924 года, когда лечился у профессора «Ацвасатурова», по поводу «своей бессонницы». В дневнике К.И. описывает в основном физиотерапевтическое лечение, однако мысли его всецело заняты психотерапией, об этом он пытается разговаривать со всеми мало-мальски образованными обитателями курорта, даже специалиста по лор-болезням – профессора Полякова – он склоняет к беседе на эту тему. Профессор «Ацвасатуров» есть не кто иной, как М.И. Аствацатуров – известнейший отечественный невролог и психиатр, доктор медицины, практиковавший метод Фрейда. Сферой особого интереса профессора-психоаналитика была аналитическая работа со сновидениями и их символикой. Весьма вероятно, что Чуковский проходил у Аствацатурова не только курс физиотерапии, но и курс психоанализа. Косвенным подтверждением этому является оживление интереса к работам З. Фрейда, отраженное в письме к сыну, что, кстати, является специфической формой сопротивления (разновидность рационализации) в ответ на чрезмерно активную позицию терапевта, так свойственную первым русским аналитикам.

Лечение у психоаналитика вполне могло разжечь в К.И. никогда не угасавшее желание познать тайну человеческой души, узнать больше о природе человека, в том числе и о самом себе, с помощью наукообразных концепций венского профессора и стимулировать не только их изучение, но и применение на практике. Кажется, что и сам Чуковский временами исповедовал фрейдизм или «дикий» психоанализ – представления о мотивах человеческого поведения в примитивном понимании обывателя. Например, по свидетельству О. Грудцовой, он был уверен в том, «что без сексуальности нет таланта, что в ней источник творчества», якобы он всерьез опасался, что «Пастернак после операции предстательной железы перестанет писать» [Грудцова 1996: 97]. Вполне вероятно, вариант «дикого» психоанализа Чуковский усвоил именно в общении с доморощенными психоаналитиками, которые в силу особенностей отечественной ментальности и отсутствия постоянного диалога с западными коллегами

практиковали крайне схематичный и вульгарный метод, искренне считая его «психоанализом», – недостаток, не вполне преодоленный и в наше время и извинительный ввиду сложности самой концепции.

Интерес к психоанализу могли возбудить в Корнее Ивановиче некоторые его знакомые, хорошо понимающие, что это не только эффективный способ лечения неврозов, но и захватывающая философско-антропологическая система. Одним из таких людей был врач-психиатр И.Г. Оршанский, лечивший в 1906 году известного художника-модерниста М. Врубеля. Илья Григорьевич имел в Петербурге собственную клинику, увлекался психоанализом, вопросами детского развития и коррекционного воспитания. Скорее всего, знакомству Чуковского с Оршанским предшествовало очередное лечение молодого критика в престижной клинике. У Ильи Григорьевича был родной брат – Лев Григорьевич Оршанский, тоже психиатр, профессор, видный отечественный ученый, перу которого принадлежит фундаментальный труд, намного опередивший свое время – «Сон и бодрствование с точки зрения ритма», в котором ученый предвосхитил многие позднейшие открытия Фрейда. В книге, вышедшей в 1876 году (на 24 года ранее «Толкования сновидений») Л.Г. Оршанский декларировал по существу основной принцип психоанализа: «опыт, наблюдение над здоровыми и больными, наконец, размышление уже давно поставили, вне всякого сомнения, самый факт существования бессознательных психических процессов. <...> Наблюдения убеждают нас в том, что до нашего сознания обыкновенно достигает только самая ничтожная часть тех впечатлений, которые постоянно действуют на наши органы чувств» [Оршанский 1878: 64].

Был ли Чуковский психоаналитиком? Разумеется, не был, но он повторил путь самоисцеления, которым следовал первооткрыватель психоанализа, а во многом, как это ни покажется странным, пошел даже дальше Фрейда. Его «психоанализ» не рекламен, в отличие от фрейдовского – незаметен, его целебное действие не осознается, несмотря на колоссальный оздоравливающий эффект, по могучей же силе воздействия на миллионы ни современный психоанализ, ни тем более времен Фрейда не могут соперничать с творениями Корнея Чуковского.

Общность представлений о взаимодействии читателя с текстом, читательской психологии, читательской социологии отчетливо прослеживается и в переписке сказочника с другим выдающимся ученым – Н.А. Рубакиным. 16 марта 1929 года живущий в Лозанне Рубакин пишет Чуковскому: «...давно хотел я послать Вам самый сердечный привет и выразить наше искреннее восхищение Вашими работами... в основе которых Вы положили принцип чисто библиопсихологический – принцип изучения психологии читателя... *как* писать – это

вопрос и психологии того, для кого книжка предназначена. Вот этот принцип Вы и стали проводить в детской литературе чуть ли не раньше всех... и он вдохнул в Ваши книжки, как и Ваш талант, непреодолимую силу». К.И. Чуковский с энтузиазмом отвечал: «Нельзя писать книги без адреса... Когда пишешь, нужно раньше всего представить себе все мельчайшие особенности тех, кому адресована книга. Если твоя книга адресована маленьким детям, отдай, пожалуйста, несколько лет изучению их психологии. Только тогда ты найдешь настоящий язык, настоящие жесты, интонации, которые будут обладать настоящей доходчивостью для самых маленьких читателей» [Чуковский т. 15: 161-163]. Именно вслед Рубакину пришел К.И. к пониманию объективных закономерностей построения текстов на основе психоаналитического учения и последовательно применял свои познания для их интерпретации. Чуковский, руководствуясь гениальными прозрениями Н.А. Рубакина, создал альтернативную советскую (марксистско-фрейдистскую) герменевтику и последовательно использовал ее в своей работе.

С возрастом интерес Чуковского к психоанализу стал иным, более глубоким, вдумчивым, серьезным. Если ранее он читал, в основном, для себя и, можно сказать, «о себе», то в пятидесятые–шестидесятые годы он переходит к настоящей психоаналитической методологии, систематически читает зарубежную психоаналитическую литературу, конспектирует ее.

Помимо разнообразных естественнонаучных влияний благодатную почву для психоанализа создало еще подростковое увлечение Коли Корнейчукова философией. Юноша проглатывал огромное количество философской литературы, штудировал Маха, Дж. Милля, Спенсера, Ницше, а позже и сам принялся за написание философского трактата, фрагменты которого опубликованы в 15-томном собрании его сочинений. Как следует из дневниковых записей, Чуковский довольно рано, видимо, под воздействием произведений Ницше освоил понятие «бессознательного» (см. его дневниковую запись 14.03.01), причем не в абстрактно-философском смысле, в котором его употребляло большинство русских философов того времени, а в гораздо более жизненном, психологическом аспекте: «Я знаю, насколько бессознательно, невольно исполняет индивидуум требования общества. Я знаю тысячи девушек – и почти не знаю других, – вся деятельность которых направлена к тому, чтобы возбудить в мужчине половое чувство, и которые повесились, если б узнали это» (запись в дневнике от 27.03.01).

Деятнадцатилетним юношей Чуковский совершенно независимо от Фрейда приходит к пониманию внутриличностного конфликта. Маловероятно, что в 1901 году Коля Корнейчуков был знаком с работами З. Фрейда, первый перевод которо-

го на русский датируется 1907 годом, тем не менее, его понимание бессознательно-го гораздо ближе фрейдовскому, чем ницшеанскому или какому-либо еще мировоззрению. Философские искания и литературные пристрастия с детства склеивались в душе будущего сказочника особой чувствительностью к внутреннему миру, своему и чужому, интровертированному интересу к событиям внутренней жизни. А. Тепляков замечает по этому поводу: «Он искал инстинктивное и подсознательное. Полнота раскрытия таинственных движений души была для него куда важнее всякой идеологии» [Тепляков 2007]. И в литературе, и в философии искал он, как в зеркале, отражения собственных душевных движений. Разумеется, необходимо уточнить, что творчество Чуковского всегда питалось двуединым источником: наряду с бессознательной мотивацией в нем постоянно присутствует целенаправленная установка сознания, причем постоянно расширяющегося. Исключительность, феноменальность Чуковского состоит в уникальном единстве этих двух формаций человеческой ментальности. То, что у большинства людей приводит к ригидной консервации внутренних структур и поведения, у К.И. стало неисчерпаемым источником саморазвития, психической пластичности и адаптивности. Именно в этом ключе мы должны воспринимать не только его художественные творения, но и всю литературную деятельность.

В письме Горькому Чуковский сформулировал свою к тому времени уже сформировавшуюся позицию: «Я затеял характеризовать писателя не его мнениями и убеждениями, которые могут меняться, а его органическими, инстинктивными, бессознательными навыками творчества, коих часто не замечает он сам. Я изучаю излюбленные приемы писателя, пристрастие его к тем или иным эпитетам, тропам, фигурам, ритмам, словам, и на основании этого чисто-формального, технического, научного разбора делаю психологические выводы, воссоздаю духовную личность писателя» [Чуковский т. 14: 446]. Через три года Чуковский характеризовал подобным способом самого Горького: «Оттого-то у него две души, оттого-то между его инстинктами и его сознанием такой вопиющий разлад. Все его инстинкты, бессознательные тяготения, симпатии, вкусы принадлежат одному миру, всё его сознание – другому» [Чуковский 1924: 69].

Благодаря природной ясности ума, не имея полноценного образования, а может быть, и в силу этого, Чуковский сумел ухватить и развить главное: литература, как и прочие виды искусства и вообще человеческой деятельности – это прежде всего проявление человеческой личности и только потом – социально-исторического контекста. Его творческий метод складывается постепенно, шаг за шагом находит он твердую почву интерпретации не только литературных, но и любых других фактов. Чуковский приходит к тому, что выявляет коды «тек-

стовых организаций», «знаковых систем» и «семиотических практик» задолго до Ролана Барта и Юлии Кристевой. «Метод Чуковского» характеризуется истинно научной универсальностью: не важно, какие данные интерпретируются, важен сам алгоритм поиска! Успех Чуковского-критика определялся тем, что он, прислушиваясь к себе, выявлял объективные закономерности построения литературного материала. Вот истинный источник творческого успеха! Научная методология Чуковского и «методология» его сказок вырастают из единого корня – его собственного «бессознательного» (наполняющего смыслом сознательные значения), диффундирующего в систему социальной практики. Этим же путем шел З. Фрейд, в своем самоанализе открывая универсальные принципы организации человеческой души! Однако отношения этих двух сфер психической деятельности у венского ученого и советского классика различны: если у первого бессознательные содержания активно рекрутируются полем сознания, то у второго – скорее, сознательные формы оказываются востребованными бессознательными содержаниями. Впрочем, эти два процесса ни в коей мере не исключают друг друга, а скорее находятся в отношениях дополнительности.

В книге «Две души М. Горького», изданной в 1924 году, К.И. писал, характеризуя «свой» метод: «...изучая писателя, я всегда ставил себе задачей подметить те стороны его дарования, *которых он сам не замечает в себе*, ибо только инстинктивное и подсознательное является подлинной основой таланта. Критик лишь тогда имеет право верить девизам, которые провозглашает художник, когда девизы эти гармонируют с бессознательными методами его творчества...» [Чуковский 1924: 60]. По существу, это декларация психоанализа в литературоведении. Насколько критический метод Чуковского был близок аналитической парадигме, можно убедиться, сравнив его с замечанием современного психоаналитика: «Эти связи представлены по видимости не связанными разговорами, перепрыгиванием от темы к теме, прерыванием одной мысли другой, сдвигом к экспрессивной манере действий. Именно через подобные косвенные пути терапевт получает наиболее полезную информацию о внутренней жизни пациента или о протекании патологических процессов. Распознавание в последовательности тем, даже разнородных и не имеющих рациональной связи, постоянного однородного и важного сообщения – это основная задача для терапевта» [Блос 2010: 177].

Но не только в бессознательной топографии писательской ментальности черпал К.И. материал для новых находок и открытий, одним из первых в отечественном литературоведении осознал он множественные проекции личной истории писателя на его творчество и, если не всегда выводил пря-

мые соответствия, то всегда учитывал их при построении очередной модели авторской психологии. Вообще творчество писателя и его психология представлялись Чуковскому в неразрывной связи. Чем более непростой и запутанной рисовалась последняя, тем более заслуживающим читательского внимания – первое. Литературное произведение не существовало для него в отрыве от личности его создателя, даже его интерес к Некрасову, как заметила Е. Иванова, «пробудился тогда, когда он открыл в поэте сложную, противоречивую и страдающую личность» [Чуковский т. 14: 22]. Возможно, Чуковский до сего дня остается наиболее «психологичным» исследователем-филологом. В этом отношении он гораздо более «западный» автор, чем подавляющее большинство его коллег. «Рассматривая работы критика в совокупности, – пишет И. Лукьянова, – остается только удивляться тому, что самоучка, не имевший никакого последовательного, фундаментального образования, смог создать вполне работоспособную систему критической оценки литературных явлений, под которые легко и непротиворечиво подводится филологический (психологический, социологический, какой хотите) базис» [Лукьянова 2006: 157].

Как уже было замечено, идея бессознательного «витала в воздухе», насыщая беспокойную атмосферу начала XX века взрывоопасной субстанцией философского скепсиса и антропологией декаданса. Идеи, созвучные представлениям З. Фрейда, независимо от него высказывали многие российские интеллектуалы той эпохи. Чуковский встретил эти позитивистские веяния, может быть, более подготовленным, чем другие, причем не только теоретически, но и практически: своей личной историей бастарда, весь душевный строй которого был пропитан гремучей смесью невротического конфликта. Психоанализ, прежде всего как идеология самопрезентации, понимания себя, способ самосознания, стал для К.И. основой постижения Другого. К Чуковскому-критику и литературоведу применимы слова видного отечественного ученого А. А. Леонтьева: «Филолог, если он отыскал некий единый уникальный смысл художественного произведения, тем самым не излечивает художественный текст, ибо сверхценность художественного «бессознательного дискурса другого» не является патологической в том смысле, в котором это имеет место в психоанализе. Бессознательный художественный дискурс другого филолог превращает в осознанный художественный дискурс для всех и прежде всего для себя самого. Результат анализа художественного текста – не выздоровление текста (в определенном смысле тексту уже ничем не поможешь), а выздоровление самого аналитика» [Леонтьев 2001: 98].

Библиографический список

1. Блос П. Психоанализ подросткового возраста. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2010. 272 с.
2. Грудцова О. // Минувшее: Исторический альманах. 19. М., СПб.: Atheneum, Феникс, 1996. С. 76-104.
3. Леонтьев А.А. Бессознательное и архетипы как основа интертекстуальности // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001, С. 92-100.
4. Лукьянова И.В. Корней Чуковский. М.: Молодая гвардия, 2006. 989 с.
5. Оршанский И.Г. Сон и бодрствование с точки зрения ритма. СПб.: 1878. 165 с.
6. Тепляков А. По-новому о старом Чуковском // Сибирские огни. 2007, № 10. С. 183-187.
7. Чуковский К.И. Две души М.Горького. Л.: А.Ф.Маркс, 1924. 80 с.
8. Чуковский К.И. Собрание сочинений. В 15-ти т. М.: ТЕРРА – Книжный клуб. 2001-2009.

М.А. Сидоренко (Российская Федерация, г. Волгоград)

МЕСТО АСТРОНИМОВ В НОРМАТИВНО-НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Современное состояние вопроса о статусе научной картины мира характеризуется достаточно большими сложностями. Выделяется несколько направлений в определении научной картины мира. Она представляется, во-первых, как раздел философского знания; во-вторых, как специфическая составная часть, компонента научного мировоззрения; в-третьих, как форма систематизации научного знания; в-четвертых, научная картина мира может рассматриваться как исследовательская программа [Корнилов 2002].

Мы, вслед за О.А. Корниловым, под научной картиной мира понимаем отражение коллективного знания о мире, который включает и природу, и общество, и человека как общественное существо. Такое расширенное понимание научной картины мира, выходящее за рамки естествознания, соответствует понятию «общенаучная картина мира» [Корнилов 2002].

В рамках теоретических исследований научной картины мира в последние годы сложилось представление о нормативно-научной картине мира (ННКМ). Под нормативно-научной картиной мира языковой личности Н.А. Максимчук понимает определенную систему общеобязательной научной информации, сообщаемой человеку в процессе его социализации. А процесс социализации личности автор определяет как овладение системой знаний, рас-